

В тот вечер лил дождь, но огни Цичэна казались ярче обычного — их размытые, зыбкие отсветы празднично полыхали сквозь водяную пыль.

На обратном пути Юй Сингэ то и дело чихал. Мелкий дождь принес долгожданную прохладу, а его мерный шум скрадывал привычный гул улиц. Чэн Цзие шел следом. Несколько капель запутались в его черных волосах, незаметно пропитав влагой темные пряди.

Кудрявый юноша из чистого любопытства потянул запертую дверь, ведущую на крышу. Старый, покрытый ржавчиной замок глухо звякнул о железо — заперто намертво.

Вообще-то Юй Сингэ не собирался выходить наружу. Ему просто показалось, что этот замок висит здесь исключительно ради вида, и захотелось проверить, работает ли он вообще.

Шедший рядом Чэн Цзие, видимо, истолковал его жест по-своему.

— Хочешь спуститься отсюда? — спросил он привычным, спокойным тоном.

Юй Сингэ почему-то обрадовался этой реплике, но лишь пожал плечами:

— Да тут не открыть.

Чэн Цзие на секунду задумался.

Он окинул взглядом площадку, подобрал валявшуюся на полу пустую жестяную банку и ловко отломал от нее кольцо с острым металлическим язычком.

С самым невозмутимым видом темноволосый юноша наклонился к замочной скважине. Он действовал сосредоточенно и серьезно, и спустя пару мгновений этот совершенно неподходящий, казалось бы, инструмент заставил дужку замка щелкнуть.

Старый заржавевший механизм вряд ли ожидал, что на склоне лет ему так бесцеремонно «перережут горло». Омываемая каплями дождя бурая ржавчина на нем потемнела, отливая жирным блеском.

Чэн Цзие снял замок, взвесил его на ладони и бросил Юй Сингэ. Тот поймал его на лету. Держа в руках тяжелую ржавую железку, он удивленно уставился на Чэн Цзие:

— Ты умеешь вскрывать замки?

В ответ Чэн Цзие лишь многозначительно на него посмотрел.

Сквозь косую сетку дождя Юй Сингэ с легким сомнением спросил:

— А почему ты не вскрыл его, когда мы поднимались?

Сумерки и пелена дождя мешали разглядеть лицо их вокалиста, но его голос прозвучал ровно и буднично:

— Забыл.

«Забыл, что умеет взламывать замки?» — Юй Сингэ едва сдержал скептическую усмешку. Но объяснение пришлось принять.

Старая железная дверь отворилась со скрипом и скрежетом. За ней оказалась темная лестница, откуда пахло сырой, застоявшейся пылью. Сквозь щель в проеме был виден край той самой шаткой приставной стремянки, по которой они забирались наверх.

Кудрявый юноша шагнул под навес, укрываясь от дождя, и невольно пробормотал:

— Ну и темнотища.

Даже не оборачиваясь, он совершенно естественно протянул руку назад:

— Давай за мной.

Чэн Цзие опустил взгляд на его ладонь. Косые капли дождя оседали на коже юноши, влага скапливалась на кончиках пальцев и бесшумно капала на ступени.

Это был жест примирения. Знак того, что их странная «холодная война», во время которой они даже ни разу не поссорились, наконец окончена.

Но Чэн Цзие застыл, не делая ни шага.

Не дождавшись движения, Юй Сингэ удивленно обернулся и нетерпеливо качнул протянутой рукой.

Моросило. За спиной Чэн Цзие расстиралось темное грозовое небо, готовое вот-вот разразиться молниями. Черты его лица тонули в полумраке, а ветерок, налетающий с крыши, приносил свежий запах мокрой земли и прибитой дождем травы.

В тишине дождливой ночи отчетливо, почти пугающе звучало их дыхание — прерывистое, взволнованное.

— Ты же под дождем стоишь, — негромко позвал Юй Сингэ.

Только тогда Чэн Цзие шевельнулся. Он сделал шаг вперед и вложил свою ладонь в его руку. Две влажные, нагретые теплом тела ладони соприкоснулись, пальцы переплелись.

Это было мокрое, скользкое, но удивительно горячее рукопожатие.

Юй Сингэ не оборачивался, но, почувствовав тепло чужой ладони, довольно сощурился.

«... Все друзья так делают», — подумал Чэн Цзие.

«Даже если нет... пусть у меня побудет еще одна такая ночь.

Последняя ночь.

Завтра мы снова станем просто друзьями.»

Он слегка погладил большим пальцем влажную ладонь Юй Сингэ.

На губах темноволосого вокалиста появилась едва заметная улыбка — редкая для него, мягкая и немного грустная.

В молодости легко увлечься кем-то. Чэн Цзие не собирался отрицать очевидное — он прекрасно понимал, что чувствует. Но остановиться именно сейчас, не переступая черту, было лучшим решением для них обоих.

В жизни Чэн Цзие было всего две или три вещи, которые заставляли его колебаться. Но как только он во всем разбирался, он умел вовремя отступить.

Сквозь бетонные ступени пробивалась сорная трава. Влажные от дождя стебли подрагивали под их ногами, но упрямо распрямлялись вновь.

Теперь, когда дверь на крышу осталась открытой, завтрашнее солнце заглянет в этот темный угол, и заброшенная лестница оживет, покрывшись сочной зеленью.

С того вечера все действительно вернулось на круги своя.

В жизни группы воцарился привычный порядок.

Дни, полные натянутого молчания и отчуждения, словно испарились. Каждое утро на дверной ручке неизменно обнаруживался пакет с завтраком. Во время обсуждения новых песен они по-прежнему до хрипоты спорили за каждую строчку, не уступая друг другу ни шагу. Они больше не отводили глаза при встрече. Единственной сложностью стало то, что Чэн Цзие наотрез отказался возить его на своем мотоцикле, заявив, что ему надоело, и заставил Юй Сингэ учиться вождению. Тот не мог признаться, что давно умеет водить, поэтому пару дней усердно изображал неуклюжего новичка, после чего легко освоил любимый байк вокалиста.

Со стороны казалось, что они ладят точно так же, как и раньше.

Просто близкие друзья, которые не задают лишних вопросов.

Басист группы быстро заметил эти перемены. Он немного поудивлялся про себя, но решил, что так даже лучше, и в суматохе репетиций быстро выбросил это из головы.

Концертов становилось все больше, залы забивались до отказа, и музыканты всерьез задумались о записи полноценной кассеты.

Иногда, проходя по переулку Наньпин, они натыкались на преданных слушателей. Чарльз уже вовсю раздавал автографы, жутко гордясь своей размашистой подписью на смеси английского и китайского — надо признать, выглядело это действительно стильно.

Юй Сингэ уже раз сто выслушал его хвастливые истории о девчонках, которые за ним бегали. От этой болтовни у него порой звенело в ушах.

Сейчас они резались в карты, и Юй Сингэ, лениво перебирая веер карт, стоически терпел очередной словесный поток барабанщика.

— То есть ты треплешься только для того, чтобы доказать, что моя прошлая шутка про твой девственный опыт была неправдой? — лениво проворчал кудрявый юноша.

— Ну не совсем, — золотистые косички Чарльза качнулись. Он ничуть не обиделся, лишь на секунду замялся, а потом самодовольно ухмыльнулся: — О чем это говорит? В первую очередь о том, что я чертовски харизматичный музыкант!

Дальше Чарльз пустился в рассуждения о том, что когда он добьется мировой славы, то обязательно напишет своему старику за границу и заявит, что прекрасно обходится без его чертова наследства.

Юй Сингэ счел это очередной байкой, но позже, выбрав момент, спросил у Чэн Цзие. Тот подтвердил слова барабанщика.

— Он и правда из богатеньких? — Юй Сингэ удивленно почесал затылок.

После его перерождения в теле этого персонажа прошло слишком много времени. Сюжет книги, написанный как затянутые мемуары, подзабылся — истории группы там уделялось ничтожно мало места.

Чэн Цзие усмехнулся, в его глазах блеснула легкая ирония:

— Да, но у них в семье действует право первородства. Наследство получит старший брат.

Юй Сингэ едва не поперхнулся водой:

— На дворе вообще-то двадцать первый век. Какое еще первородство?

Он действительно не ожидал столкнуться с подобными пережитками прошлого в реальности.

Чэн Цзие бросил на него короткий взгляд и совершенно естественно похлопал по спине, помогая откашляться. Юй Сингэ нарочно посипел еще пару секунд, чтобы потянуть время.

Сейчас он сидел, утопая в мягких подушках дивана в квартире Чэн Цзие. Глядя на хозяина дома, он чувствовал, как внутри шевелится смутное сомнение.

Их странная «холодная война» закончилась, но в их нынешнем общении все равно сквозило что-то неправильное.

Юй Сингэ задумчиво разглядывал друга. День выдался облачным, но светлым. Мягкий, ровный свет из окна заливал комнату, позволяя рассмотреть каждую деталь на лице Чэн Цзие.

Тот сидел с расслабленной, мягкой улыбкой и ничуть не избегал его взгляда.

Юй Сингэ вдруг поймал себя на мысли, что у Чэн Цзие невероятно темные, почти бездонные глаза. Если не приглядываться, в них невозможно было прочесть ни единой эмоции.

Его взгляд слишком затянулся. Чэн Цзие не выдержал:

— Что такое?

Он спросил это так просто и буднично, что Юй Сингэ лишь мысленно хмыкнул.

«Не пробиваем? Все мои попытки насмарку?»

— Да ничего, — с легкой улыбкой отозвался Юй Сингэ.

Он искренне считал своего вокалиста крайне занятым человеком. Даже если забыть о его потрясающей внешности и безусловном таланте, характер Чэн Цзие оставался слишком сложной, манящей загадкой.

Летний полдень дышал ленивым теплом. Солнце скрылось за дымкой облаков, но воздух все равно казался плотным и душным.

Юй Сингэ всматривался в его лицо, но темная глубина чужих глаз не выдавала ровным счетом ничего. Юноше редко доводилось встречать столь закрытых людей.

Скрытое напряжение, обычно обострявшееся по ночам, сейчас бесшумно заполняло светлую комнату. Из динамиков тихо лилась демо-запись их новой песни — на удивление мягкой, лиричной, совсем не похожей на их привычный взрывной стиль.

Чэн Цзие первым отвел взгляд. На припеве он слегка нахмурился и негромко заметил:

— Этот переход звучит слабо.

— Надо переписать, — согласился Юй Сингэ.

Чэн Цзие открыл тетрадь с нотами. Он всегда содержал свои записи в идеальном порядке, поэтому мгновенно нашел нужную страницу. Юй Сингэ придвинулся ближе, заглядывая через плечо. Чэн Цзие даже не подумал отодвинуться.

Зачем? Ведь они просто друзья. В этом нет ничего предосудительного.

Но Чэн Цзие затаил дыхание.

Его пальцы сильнее сжали край бумажного листа. Он заставил себя отвести взгляд от непослушного кудрявого вихра на макушке Юй Сингэ. Ноты, аккуратно выведенные на бумаге, расплывались перед глазами. Юноша сидел совсем рядом, его лицо в обрамлении темных кудрей казалось бледным и чистым, напоминая изящный набросок тушью.

«... Я просто хочу сохранить эту дистанцию. Но скрывать приходится слишком многое.»

Если держаться слишком далеко, кудрявый парень снова что-то заподозрит, как тогда на крыше. Если подойти слишком близко... Чэн Цзие не гарантировал, что сможет держать себя в руках.

Он слегка сжал пальцы, пряча волнение, и негромко произнес:

— Думаю, здесь стоит добавить партию аккордеона.

Его голос, от природы глубокий и бархатистый, прозвучал с легкой, ленивой хрипотцой, от которой у Юй Сингэ дрогнуло сердце. В этой интонации сквозило что-то неувлимо притягательное.

Юй Сингэ только собрался поднять голову, как тяжелая ладонь Чэн Цзие легла ему на плечо. Хватка оказалась неожиданно крепкой, даже слишком — для обычно сдержанного вокалиста это было странно.

—... Сосредоточься, — негромко потребовал Чэн Цзие.

Он сознательно удерживал Юй Сингэ, не давая ему поднять лицо. Он слишком хорошо знал, какое выражение сейчас застыло на его собственном лице.

Если Юй Сингэ заметит это... Чэн Цзие медленно разжал пальцы. Сквозь тонкую ткань футболки он чувствовал горячую кожу чужого плеча. Он знал себя слишком хорошо — он не из тех, кто годами вздыхает в сторонке и добровольно отказывается от желанной добычи. Никогда таким не был.

Его губы плотно сжались, и лишь спустя долгую паузу он окончательно ослабил хватку.

Пока они еще могут оставаться друзьями. Пока это возможно.

Это был самый разумный компромисс, который он сумел найти.

Юй Сингэ мысленно усмехнулся, но поднимать голову не стал. Он просто ткнул пальцем в нотную строчку и спокойно продолжил:

— На самом деле, флейта тоже неплохо бы легла.

— Можно попробовать. Решай сам, эта часть за тобой.

В тихом полумраке квартиры застоявшийся запах сырости окончательно рассеялся. Воздух между ними становился все более горячим, плотным, почти осязаемым.

Но ни один из них не упомянул о минутной слабости, сделав вид, будто ничего не произошло.

Южный район Цичэна

В таком же хмуром, лишенном солнца полумраке подворотни лениво тлели два огонька сигарет.

Летняя жара превратила город в настоящую печь. Душный воздух заставлял людей обливаться потом, и даже сигаретные гильзы казались влажными от сырости.

Один из курильщиков затянулся, стряхивая пепел, и глухо спросил:

— Ну и что делать будем?

Второй ответил лениво и раздраженно:

— Проучите его хорошенько. Главное — без трупов.

Первый собеседник не отличался свирепой внешностью, у него были обычные круглые глаза, если бы не уродливый шрам, пересекающий всю щеку. Он приглушил голос:

— Любыми методами?

— Я же сказал: без мокрухи, — неторопливо процедил мужчина, прикуривая новую сигарету. — Просто сделайте так, чтобы он навсегда запомнил этот урок.

Мужчина со шрамом глубоко затянулся и затушил окурок о грязную бетонную стену подворотни. На штукатурке остался темный, подпаленный след.

— Этот парень ведь гитарист, верно?

Шэнь Чжи стоял, прислонившись к стене. Сквозь сигаретный дым он недовольно сощурился и кивнул.

Эти отморозки всегда умели выполнять его поручения так, как ему хотелось.

Молодой господин Шэнь еще никогда в жизни не подвергался подобному унижению. Он вернулся домой избитым, вытерпел насмешки своих так называемых друзей, а когда попытался снова сунуться в бар, охрана просто выставила его за дверь. Шэнь Чжи физически не мог переварить эту обиду.

То, что он не может получить, он предпочитает уничтожать. Это было его незыблемым правилом.

Впрочем... если этот смазливый гитарист приползет к нему на коленях, он вполне может

сменить гнев на милость и немного с ним позабавиться.

Шэнь Чжи похабно ухмыльнулся своим мыслям и дал наемникам еще несколько напутствий.

Забрав пухлый конверт с деньгами, мужчина со шрамом не спеша двинулся к выходу из переулочка, на ходу щелкая дешевой зажигалкой.

Тут же из темноты вынырнули двое его подручных.

— Старший брат, что за дело подвернулось? — вкрадчиво спросил один из них, желтоволосый парень.

— Да так, ерунда, — мужчина со шрамом выдохнул струю едкого дыма прямо в лицо подельнику и плотоядно оскалился: — Нужно проучить одного борзого щенка.

Он бросил окурок под ноги, прямо на раскаленный асфальт, где тот с тихим шипением испустил последний вздох.

— Мочить не надо. Парень бренчит на гитаре, так что просто переломайте ему пальцы. С музыкой он должен распрощаться.

Мужчина со шрамом сплюнул под ноги и добавил:

— Да, и если получится притащить его живьем — тащите прямо к нашему нанимателю. Это будет приятным бонусом.

<http://bllate.org/book/18241/1765494>